

УДК 82-65

Сапченко Л.А.

(г. Ульяновск)

«РЕЛИГИЯ ВЫШЕ ФИЛОСОФИИ...»
(ПИСЬМА Н.М. КАРАМЗИНА К Н.И. НОВИКОВУ)¹

Аннотация. Письма к Н.И. Новикову являются неотъемлемой частью карамзинского наследия. В них Карамзин, говоря о любви и сострадании как высшей добродетели, подтверждает неотвратимость перемен и в философии, и в самом человеке. Карамзин соглашается, что «познание истинного Бога есть важнейшая и лучшая из всех наук», однако подчёркивает при этом, что только «один Бог знает Бога совершенно», а кроме того, поддерживает Новикова в скептическом отношении к моде на цитирование текстов Священного Писания. Изучение карамзинского эпистолярия даёт представление о его взглядах и мироощущении: от философского и исторического оптимизма он идёт к скептицизму, агностицизму и религиозному смирению.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, Н.И. Новиков, переписка, проблемы религии, философии, нравственности.

L. Sapchenko

(Ulyanovsk)

«RELIGION IS ABOVE PHILOSOPHY ...»
(LETTERS OF N.M. KARAMZIN TO N.I. NOVIKOV)

Abstract. Letters to N.I. Novikov are an integral part of Karamzin's heritage. In them, while talking about love and compassion as the highest virtue, Karamzin confirms the inevitability of changes both in philosophy and in the man himself. Karamzin agrees that «the knowledge of the true God is the most important and the best of all sciences», but at the same time he emphasizes that only "God knows God completely", and, besides, he supports Novikov in his skeptical attitude toward the fashionable trend of quoting texts of Scripture. Studying of Karamzin's epistolary provides insight into his thinking and worldview: from philosophical and historical optimism he goes to skepticism, agnosticism and religious humility.

Key words: N.M. Karamzin, N.I. Novikov, correspondence, problems of religion, philosophy, morality.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12-14-73000/12.

...У нас и теперь Библия в моде; в газетах, в журналах говорят текстами Священного Писания; но лучше ли стали люди?

Н.М. Карамзин

Письма Н.М. Карамзина нечасто становятся предметом специально исследования. Между тем карамзинское эпистолярное наследие имеет существенное значение: 1) в источниковедческом аспекте; 2) в аспекте истории идей (политических и исторических концепций, философских и религиозно-нравственных воззрений); 3) в филологическом аспекте (с точки зрения истории литературы и истории языка); 4) в аспекте теории коммуникации; 5) в плане самой методологии изучения эпистолярного наследия и т. д. Кроме того, письма Карамзина являются бесценным источником для осмысления его личности и творчества, способствуют преодолению мифов в пользу научного знания, показывают Карамзина как литератора и историка, друга и семьянина, помещика и христианина, гражданина России и человека мира, «верноподданного царя русского» и вполне независимой, внутренне свободной личности.

Изучение карамзинского эпистолярия даёт представление о существенных переменах, происшедших в его взглядах и мироощущении: от убеждения о необходимости влиять на государственную политику, от увлечённости своим историческим трудом Карамзин приходит к красноречивому безмолвию и к охлаждению в работе над «Историей государства Российского», от философского и исторического оптимизма к скептицизму, агностицизму и религиозному смирению, от письма как литературного жанра к эго-документу.

Переписка Н.М. Карамзина обширна. В этой ситуации приобретает особое значение фактор адресации.

Взаимоотношения Н.М. Карамзина и Н.И. Новикова – одна из интереснейших страниц в истории русской культуры.

В кружок Новикова ввёл Карамзина его земляк, симбирский помещик и известный масон Иван Петрович Тургенев [1]. Как сообщает словарь русских писателей XVIII в., в 1787–1789 гг. Новиков привлёк Карамзина вместе с А.А. Петровым к сотрудничеству и редактированию журнала «Детское чтение для сердца и разума» [12, с. 34]. По словам публикатора писем его к Новикову, П.И. Бартенева, Карамзин «принадлежал к числу тех юношей, которые находились под влиянием славного типографщика и мартиниста. <...> тайное общество вольных каменщиков некогда занимало собою знаменитого писателя. Светлый ум и строгие труды отвлекли его потом от бесплодных брожений ...» [5, с. 367]. Но знакомства с Новиковым Карамзин не

прерывал и оставался верен своим друзьям-масонам во время гонений на них, посещая опальные семейства Херасковых, Тургеневых и др. [2]. В 1792 г. в связи с арестом Новикова Карамзин пишет и публикует оду «К милости», хотя, как подчёркивает Ю.М. Лотман, «все тактические соображения, казалось, толкали его на то, чтобы промолчать» [7, с. 20]. В стихотворении Карамзин пытался напомнить Екатерине II, **заточившей Новикова в Шлиссельбургскую крепость**, о милости монарха как о высочайшей добродетели, о свободе и правах человека, о доверенности монарха к народу как о залогах спокойствия всей державы [8, с. 20, 21].

Освобождённый из заточения по указу Павла I в 1796 г., **Новиков** поселился в имении Авдотьино, где и жил до своей кончины. Карамзин перед переселением в Петербург для печатания «Истории государства Российского» навестил Новикова в его сельском уединении. «Престарелый мартирист, – сообщает П.И. Бартенев со ссылкой на Д.Н. Блудова, – предлагал ему посвятить его в сокровенный круг таинственного учения, но Карамзин уклонился от этого» [5, с. 367]. Он послал Новикову 2-е издание своих сочинений, а в письме от 14 апреля 1816 г. (после возвращения из Петербурга) обратился к нему со своим символом веры: «Ей, я за истину признаю истину ваших умных рассуждений; желаю, чтобы вы терпели великодушно и утешались религиею, которая выше философии. В дряхлости телесной бодрствуйте духом. Не даром глубокая старость называется *маститую*: бальзам ея не есть ли мудрость, растворённая любовью, озарённая верою? Страдания облегчаются мыслию о скором их конце; счастливая пристань уже близко. Там, вне пространства и времени, узнаем, что есть истинное наслаждение!» [5, с. 373, 374].

Короткие строки карамзинского письма, перекликающиеся с другими его посланиями и с его нравственно-философской публицистикой, свидетельствуют о переживаемом им глубоком духовном кризисе, связанном с драматическими событиями его жизни. О тяжелейшем внутреннем состоянии Карамзина, о серьёзных переменах в мировосприятии, говорят также его письма к брату Василию Михайловичу, к П.А. Вяземскому и др. Тяжело переживая смерть дочери Натальи в 1815 г. (перед этим Карамзины потеряли первую Наташу и сына Андрея), Карамзин обращается к А.И. Тургеневу: «Жить, есть не писать историю, не писать трагедии или комедии; а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; всё другое, любезный мой приятель, есть шелуха, – не исключаю и моих осьми или девяти томов... Чем далее мы живём, тем боле объясняется для нас цель жизни и совершенство ея. <...> Мало разницы между мелочными и так называемыми важными занятиями: одно внутреннее побуждение и чувство важно. Делайте что и как

можете: только любите добро: а что есть добро, спрашивайте у совести. Быть статским секретарём, министром или автором, учёным – все одно» [2, с. 470; 6].

Нашествие французов, сдача Москвы, утрата библиотеки в московском пожаре, скитания семейства, болезнь детей, бездомность лишают его способностей заниматься историческими трудами. Он «переменился» и остыл к «приятностям мира» («... Едва ли когда-нибудь могу возвратиться к своим прежним мирным упражнениям», «...едва ли могу продолжать Историю ...» [4, с. 176, 167], – пишет он И.И. Дмитриеву.

Свою философию Карамзин излагает в письме к П.А. Вяземскому: «Живём здесь, как птенцы в яйце; смерть разбивает скорлупу; взглянем, оперимся и полетим! В ожидании сего времени или вечности, если угодно, будем заниматься кое-чем; вы – новою всемирною конституциею и стихами, я – старою российскою историею и прозою; а более всего станем любить жён, детей и добрых людей, к числу которых принадлежат наши друзья...» [3, с. 90]. Историографство предстаёт как способ скоротать время «в ожидании ... вечности». Карамзин всё более утверждает в непознаваемости истины, земное бытие кажется ему сном, а смерть видится как пробуждение и узнавание родственных душ в лучшем мире [10]. Подобные мысли звучат в письмах к разным адресатам [11], в том числе – к Н.И. Новикову.

Карамзин доверяет Николаю Ивановичу свою неохоту переселяться в Петербург и свою покорность воле Провидения: «Всякий день грущу о Москве: может быть, я оставлю в ней спокойствие; но да будет, что угодно Всевышнему! *Желаю не желать* моего, кроме добра общаго» [5, с. 374].

Внимание Новикова привлекло карамзинское сочинение в форме переписки: «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» – нравственно-философский диалог о настоящем и будущем человечества, а также «Разговор о счастии (Филалет и Мелодор)», где Карамзин сопоставляет суждения о том, существует ли счастье. Участники разговора, Мелодор и Филалет, выражают сомнения самого автора, который, в конце концов, приходит к следующему итогу («системе»), высказанному устами Филалета: «Возможное земное счастье состоит в действии врождённых склонностей, покорных рассудку, – в нежном вкусе, обращённом на природу, – в хорошем употреблении физических и душевных сил. <...> Быть счастливым есть быть верным исполнителем естественных мудрых законов: а как они основаны на общем добре и противны злу, то быть счастливым есть... быть добрым» [2, с. 203; 7]. Новиков под именем Филалета усмотрел покойного друга Карамзина А.А. Петрова, а под именем Мелодора самого автора («при чтении сих пьес мне казалось, что обоих вас вижу»). «Молодой Филалет, – пишет Новиков, – со стоическою холодною философствует, а философия хо-

лодная мне не нравится: истинная философия, кажется мне, должна быть огненна, ибо она небесного происхождения» [5, с. 368].

Далее Новиков утверждает, что только наука, состоящая в «физике Адама и все патриархов» ведёт прямым путём к познанию истинного Бога и всех тайн, «в натуре сокрытых» [5, с. 368]. Перед этим неоспоримым фактом, считает Новиков, должна остановиться и призадуматься философия карамзинского Филалета. Имея в виду форму диалога, избранную Карамзиным для двух названных произведений, Новиков высказывает глубочайшую мысль: «Я так думаю, что пока двое беседующих не будут совершенно согласны в началах и основаниях, то все разговоры их будут бесполезны. Какие же начала? А вот какие: что есть Бог? – что есть Бог в единице? Что есть Бог в Троице? Что есть натура? Одна ли есть натура или более? Таковым ли видимый и чувственный мир вышел из рук Божиих, каким мы его видим, или был инаков?» <...> Что есть философия и откуда она? Изобретена ли она человеком или дана от Бога человеку? Ежели она изобретение человеческое, то она человеческа, а мнения человеческие суть весьма переменчивы». Критикуя относительность научной истины («На моём веке во всех науках несколько систем переменилось; да я уверен, что и ныне существующие системы не долго устоят и переменятся в другие новые: нам любезнее всего новое, новое и новое»), Новиков противопоставляет ей вечную мудрость, написанную над дверьми храма: «*Познай себя*» [5, с. 370].

Отвечая Новикову 3 мая 1816 г., Карамзин подтверждает неотвратимость перемен и в философии и в самом человеке и соглашается, что «познание истинного Бога есть важнейшая и лучшая из всех наук», однако подчёркивает при этом, укрепляясь в своём агностицизме, что только «один Бог *знает* Бога совершенно» [5, с. 374].

В письмах Карамзина отразился его переход от надежд на «нежный союз чувств и всеобщее благоденствие» к идее непостижимости законов истории, к ожиданию пробуждения от «сна жизни» и прозрения в ином мире. Историко-философский скептицизм Карамзина был трагически обострён семейными горестями. Заимствованная у европейцев оптимистическая «доверенность к Провидению» сменяется признанием неизбежности страдания и слёзной молитвой к Богу. 13 марта 1813 г., после смерти сына Андрея, Карамзин писал А.П. Оболенскому: «... Мир достигает высочайшей степени развращения. Слабый человек не в силах остановить зрение на картине, которую представляет свет в политическом и моральном смысле. Ежели мы Христиане, то принимая с покорностью насылаемые на нас печали, получаем от них большую пользу, прилепляясь наиболее к Богу, единственному утешению и свету человека, не предавшего себя совсем греху» [9, с. 109].

Строки письма, переключаясь с теми, что звучат в цитированном послании к А.И. Тургеневу, и с мыслями в записных книжках Карамзина, говорят об истине как о любви к Богу, о мире совести и «доверенности к Провидению» [10]. Карамзин поддерживает Новикова в его рассуждениях о модах в светской философии: «У нас теперь и Библия в моде; в газетах, в журналах говорят текстами Св. Писания, но лучше ли стали люди? Не вижу того ни в Москве, ни в Петербурге; авось вперёд увидим» [5, с. 374]. Прощаясь перед отъездом в Петербург, как оказалось, навсегда, Карамзин упоминает о своём портрете, poslanном Новикову вместе с собранием сочинений: «Верьте, что люблю вас искренне. Если в портрете моём не находите выражения этой искренности, то он верно не похож; я в главном не переменялся» [5, с. 375].

Эпистолярный жанр у Карамзина характеризуется главенствующей ролью фактора адресации, формой обращений, сразу устанавливающей между коммуникантами отношения уважения и доверия, соотносённостью речи с высказываниями адресата, вниманием к его личности, стремлением к диалогу и взаимопониманию, что проявляется в лексике, грамматике и прагматике писем.

В 1818 г., после смерти Н.И. Новикова, Карамзин обратился к Александру I с «Запиской», где перечислял труды Новикова, его заслуги перед русским Просвещением, снимал с него напрасные обвинения и просил о помощи семье просветителя, вновь напоминая монарху о милосердии и сострадании как высшей добродетели.

Стремление к истине и творению добра были свойственны Карамзину на протяжении всей его жизни. Письма его к Новикову являются в этом смысле неотъемлемой частью карамзинского наследия.

Литература:

1. Беспалова Е.К., Рыкова Е.К. Симбирский род Тургеневых. – Ульяновск, 2011. – 343 с.
2. Вацуро В.Э. Карамзин возвращается // Литературное обозрение. – 1989. – № 11. – С. 33–39.
3. Карамзин Н.М. Письма к П.А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна. Исторический сб. – Кн. 1. – СПб., 1897. – С. 1–254.
4. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву // Изд. с примеч. и указ. Я.К. Грот и П.П. Пекарский. – СПб., 1866. – 727 с.
5. Карамзин Н.М. Письма к Н.И. Новикову // Русский архив. – 1890. – Кн. 3. – № 11. – С. 505–512.
6. Карамзин Н.М. Письма к А.И. Тургеневу // Русская старина. 1899. – № 1. – С. 211–238; № 2. – С. 463–483; № 3. – С. 707–716; № 4. – С. 225–238.
7. Карамзин Н.М. Соч.: в 2 т. – Т. 2. – Л.: Художественная литература, 1984. – 592 с.
8. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. – М., Л.: Советский писатель, 1966. – С. 5–51.

9. *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. – Ч. 2. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. – 505 с.

10. *Сапченко Л.А.* «Мир совести и доверенности к Провидению» в альбомах Н.М. Карамзина // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2008. – С. 72–83.

11. *Сапченко Л.А.* «Верьте моей искренности и дружбе...» (Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу) // Вестник Череповецкого ун-та. – 2011. – № 4 (33). – Т. 1. – Раздел «Филологические науки». – С. 75–80.

12. Словарь русских писателей XVIII века. – Вып. 2. – СПб.: Наука, 1990. – 509 с.